

Нань Цзин проявил редкое упрямство. Запершись в комнате, он принялся разбирать чемодан, всем своим видом показывая, что Юй Аньяню ходу сюда нет.

Юй Аньянь стоял у порога, скрестив руки на груди. Прищурившись, он внимательно разглядывал юношу. Рост позволял ему смотреть свысока, однако привычная спесь в его взгляде поухнула.

— Нань Цзин, я буду прислушиваться к каждому шороху, — ровным голосом произнес Юй Аньянь после недолгой паузы. — Если что-то случится, сразу стучи ко мне или просто колоти в стену между нашими комнатами.

Их комнаты — единственные, где стояли поминальные столы, — граничили друг с другом. Тесная каморка Нань Цзина приютилась у самой лестницы на третий этаж, а более просторная спальня Юй Аньяня находилась прямо за стеной.

Нань Цзин молча кивнул. Закончив с вещами, он распахнул боковую створку окна. Комната до потолка была забита удушливым запахом благовоний и пепла — спать здесь без проветривания было решительно невозможно.

Все пятеро разошлись по своим углам, чтобы оставить багаж.

Юй Аньянь окинул взглядом свой объемистый чемодан, затем обвел глазами темный коридор. Приняв какое-то решение, он присел на корточки, расстегнул молнию и достал несколько портативных камер.

— Нам нужно установить камеры по периметру дома, — распорядился Юй Аньянь, передавая технику помощникам. — А монитор поставим в одной из спален. Если снаружи что-то начнется, мы сразу это увидим.

С камерами определились быстро, но теперь предстояло решить, в чьей спальне разместить главный пульт. Нань Цзин задумчиво подошел к оборудованию.

Стоило ему приблизиться к экранам, как сине-черный кувшин, спрятанный в глубине его рюкзака, вдруг запульсировал холодом. Этот ледяной ток просочился сквозь ткань и коснулся лопаток. Точно такое же ощущение настигло его на въезде в деревню Одинокого Дракона, когда перед ними возник призрачный силуэт. Неужели кувшин снова предупреждает о беде?

"Неужели это предупреждение?"

Поняв это, Нань Цзин решительно шагнул вперед:

— Поставьте экраны в моей комнате. Я лучше знаком с мистикой и сразу пойму, если начнется чертовщина.

Ли Ифэй завистливо фыркнул:

— Ишь какой герой выискался.

Нань Цзин медленно повернул голову и ледяным тоном осадил его:

— Если тебя это не устраивает, можем поставить пульта к тебе.

Ли Ифэй мгновенно стушевался. В такой глуши иметь под рукой экраны было полезно, но именно к хозяину монитора нечисть могла заглянуть в первую очередь. Рисковать головой он не смел. Его лицо на секунду перекосило от досады, но он промолчал, уставившись в пол.

Юй Аньянь мазнул по притихшему Ли Ифэю равнодушным взглядом и спокойно предложил:

— Ставьте аппаратуру ко мне в комнату.

— Нет, — отрезал Нань Цзин.

Он не мог этого допустить. Сине-черный кувшин оберегал именно Юй Аньяня, и раз уж артефакт забил тревогу, с мониторами явно было что-то не так. Подвергать режиссера опасности он не собирался.

Нань Цзин упрямо посмотрел режиссеру прямо в глаза:

— От этой техники веет бедой. Юй Аньянь, ты не должен рисковать. Монитор останется у меня, это не обсуждается.

Оператор и ассистент Сяо Чэнь даже не думали лезть на рожон. Ли Ифэй лишь скривился от глухой зависти — забота Нань Цзина о режиссере уязвила его самолюбие. Фыркнув, он ушел помогать с установкой.

Юй Аньянь пристально взгляделся в лицо Нань Цзина. С его лица сошла привычная холодная маска, и он едва заметно усмехнулся:

— Ладно. Чуть позже я зайду и покажу, как с ним управляться.

Камеры установили в углах коридоров на первом и втором этажах, а также в каждой из пяти спален — всего вышло девять объективов. Картинка с них выводилась на главный монитор в комнате Нань Цзина, дробя экран на девять аккуратных окон.

Закончив с установкой, уставшие люди побрели к своим спальням.

Сяо Чэнь шел к себе словно в бреду. У самого порога его нога подкосилась, он споткнулся и с размаху налетел на поминальный столик.

Глиняная пиала с тихим стуком перевернулась, рассыпав по полу липкий вареный рис. Бронзовая курильница покатилась по половицам, а горевшая рядом красная свеча повалилась набок. Фитиль коснулся досок, пламя пару раз испуганно дрогнуло и погасло.

Сяо Чэня будто ледяной водой окатило. Он в ужасе отпрянул, до боли впечатавшись спиной в деревянную дверь. Ноги подкосились, грозя уронить его на пол, а сковавший горло спазм не позволял вытолкнуть даже писк.

Остальные четверо мгновенно замерли и обернулись. Сяо Чэнь, не шевелясь, стеклянными глазами смотрел на погасшую красную свечу, будто перед ним лежал смертоносный змей.

В голове каждого из них до сих пор набатом звучали слова старосты: «Красные свечи не должны гаснуть ни в коем случае».

Нань Цзин среагировал мгновенно. В один прыжок он оказался рядом с растерянным помощником, опустился на колено перед поваленным алтарем, быстро вернул на место курильницу и поднял свечу. Чиркнуло колесико зажигалки.

Сухой щелчок. Желтый лепесток пламени лизнул черный фитиль, свеча неохотно вспыхнула на долю секунды — и тут же задохнулась в темноте.

Дрожащий свет зажигалки выхватил бледное лицо Сяо Чэня, сделав его черты почти неузнаваемыми в пляшущих тенях. Он в ужасе зажал рот ладонями и, глядя на безжизненную свечу, сорвался на глухой, истеричный плач:

— Она потухла... Всё, она потухла!

С этими словами парень окончательно лишился сил и сполз по косяку на пол. Нань Цзин хмуро поднялся на ноги и тихо, стараясь говорить как можно спокойнее, произнес:

— Слышишь? Если заметишь что-то странное — шуми как можно громче. Мы все рядом, я сразу выскочу.

Сяо Чэнь сидел на полу, тупо глядя на обгоревшую темную свечу.

— Староста говорил, что случится беда... — вдруг еле слышно, сдавленным голосом выдавил он. — Но какая именно? Я вообще... выберусь отсюда живым?

Под конец его голос сошел на безжизненный шепот. Ответить ему было нечего. Ночной ветер,

ворвавшийся из темноты, подхватил эти полные ужаса слова и унес прочь.

В горах по ночам становилось холодно. Несмотря на душное начало июня, этот ветер пробирал до самых костей. Когда Сяо Чэнь наконец скрылся за дверью своей спальни, Нань Цзин побрел к себе. На нем была лишь тонкая черная рубашка с коротким рукавом, и он невольно поежился от сырого сквозняка.

Юй Аньянь, уже взявшийся за ручку своей двери, замер и скосил глаза на юношу:

— Замерз?

И, не дожидаясь ответа, продолжил:

— У меня в чемодане есть плотный вязаный свитер, тебе должен быть впору. Если, конечно, не побрезгуешь вещами с чужого плеча...

— Спасибо, Юй Аньянь, я не гордый, — охотно отозвался Нань Цзин. — Мне зайти за ним?

Юй Аньянь привычно вздернул подбородок, пряча заботу за маской легкого высокомерия:

— Я сам занесу. Заодно разберемся с пультами.

Нань Цзин кивнул. Зайдя в свою комнату, он почувствовал, как по спине пробежал неприятный озноб, и первым делом отправился под горячий душ. Стоило ему выйти из ванной и оглядеться, как со стороны алтарного стола послышался деликатный стук в дверь.

Нань Цзин поспешил открыть.

Юй Аньянь шагнул в комнату. Заметив влажное, покрасневшее после душа лицо юноши и забавно торчащий на макушке мокрый вихор, он на мгновение запнулся, но тут же протянул ему плотную черную шерстяную кофту:

— Держи. Примерь сначала, если не подойдет — поищем что-нибудь другое.

Нань Цзин перехватил вещь, быстро пробормотал слова благодарности и с ходу залез под одеяло. Свитер он утащил с собой: под тяжелым покрывалом началось забавное копошение, сквозь которое угадывались попытки переодеться не вылезая наружу.

Юй Аньянь лишь изогнул бровь, глядя на этот кокон. Нань Цзин вообще был полон удивительных противоречий. На первый взгляд он казался нелюдимым и колючим, словно дикий зверек, который никого близко к себе не подпустит. Но порой — то ли из-за банальной

неопытности, то ли в силу характера — он вел себя так, словно понятия не имел о личных границах, становясь до странного домашним и беззащитным.

— Юй Аньянь, — слышался глухой, недовольный голос из глубин одеяла. — Ворот слишком широкий, плечи совсем открыты.

"Ну вот, о чем я и говорил".

Юй Аньянь невольно задержал дыхание, криво усмехнулся и негромко произнес:

— Давай я принесу другую кофту, раз так.

— Да нет, не нужно, я справлюсь, — Нань Цзин наконец вынырнул из постели, явив миру взъерошенную темную шевелюру. Он поднял на Юй Аньяня влажные после купания глаза: — Просто у вас косая сажень в плечах, вот одежда на мне и болтается. Постоянно сползает.

Он без всякого стеснения отбросил одеяло в сторону.

Черный свитер сидел на нем нелепо свободно: растянутый ворот косо съехал набок, обнажив хрупкое правое плечо и порозовевшую после горячей воды кожу. Нань Цзин был тонкокостным, ключицы у него изящно выступали. С недосушенных кончиков волос сорвалась крупная капля. Она прочертила влажную дорожку по бледной шее, где едва заметно билась жилка, скользнула ниже, очертила острый край ключицы и бесследно исчезла в складках черной шерсти, оставив на ткани темное пятнышко.

Нань Цзин потянулся через всю кровать к тумбочке. Свитер окончательно обвис, открывая взгляду...

— У меня в рюкзаке где-то лежали английские булавки. Сейчас заколю ворот, и сползать не будет.

У Юй Аньяня нервно дернулось веко. Ледяная невозмутимость на секунду дала трещину. Спешно отведя взгляд в сторону, он недовольно буркнул:

—... Я могу принести нормальную одежду.

— Да ладно тебе, готово уже, — отмахнулся Нань Цзин. Он ловко заколол ткань на плече тремя серебристыми булавками и повел плечом, проверяя, надежно ли они держат ворот.

При каждом движении металл булавок тускло поблескивал. Стоило Нань Цзину повернуться чуть резче, как свитер снова натянулся, чудом удерживаясь на самом краю плеча. В полумраке спальни его кожа — от изгиба шеи до самой лопатки — казалась теплой, мягко сияющей. Юй

Аньяннь невольно зацепился за это зрелище взглядом, но тут же взял себя в руки. Резко поднявшись, он отвернулся спиной к постели и принялся изучать обстановку.

Планировка мало чем отличалась от стандартного гостиничного номера: справа от входа ютился крошечный совмещенный санузел, за ним тянулся платяной шкаф, а следом шла узкая односпальная кровать. Рядом пристроилась белая деревянная тумбочка с настольной лампой, которая испускала тусклое, желтушное свечение.

И все же кое-какие детали бросались в глаза. Самой жуткой из них было свадебное платье, висевшее у самого окна.

Его тяжелый алый шелк в полумраке напоминал густую, запекшуюся кровь. По ткани золотыми и серебряными нитями вились сложные, тончайшие ритуальные узоры. Работа была искусной, но от того, как этот наряд висел в углу, мороз шел по коже — казалось, у темного стекла замер живой человек.

<http://bllate.org/book/19041/1908137>